

Тирания и порядок в трагедиях Софокла

Костелев Николай Николаевич, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, факультет международных отношений и политических исследований (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
студент 3-го курса бакалавриата;
e-mail: nickkos1337@gmail.com

Научный руководитель:

Тулаева Светлана Александровна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; кафедра сравнительных политических исследований (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
доцент кафедры, кандидат социологических наук;
e-mail: tulaeva-sa@ranepa.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу проблемы тирании и порядка в трагедиях Софокла на примере произведений «Царь Эдип» и «Антигона». Основной исследовательский вопрос данной работы заключается в том, как понимался термин «тиран» Софоклом и его современниками? Автор исследует трактовку термина «тиран» в древнегреческом контексте, отличающуюся от более позднего платоновского восприятия, с акцентом на нарушение номоса — установленного космического порядка. Исследование опирается на методологию Кембриджской школы понятий, которая акцентирует внимание на значении терминов в историческом контексте их употребления, раскрытии оценочных установок и анализе речевых актов, в которых используются понятия.

Показывается, что герои Эдип и Креонт, имевшие легитимное происхождение и благие намерения, рассматриваются как тираны вследствие нарушения ими неписаных традиционных законов, регулирующих гармонию полиса. В работе доказывается, что в трагедиях нашли отражение общественно-политические процессы, протекавшие в древнегреческих полисах того времени: разложение традиционного порядка, утрата инстинктивной связи с космосом и переход к «светским» законам. Демонстрируется связь между этими процессами и их осмыслением современниками Софокла, что произошло в столкновении двух школ мысли: софистов и сократиков. В статье проясняется контекст идей софистов и их роль в развитии концепции конвенциональности законов и морали, противопоставляемых номосу.

В данной работе автор предлагает новую трактовку термина «тиран», которая воспринимается не как негативная, а как нейтральное указание на факт нарушения космических законов. Проведенное исследование дополняет дискуссию о греческом трагедийном каноне и логике полисной жизни, что позволяет дать более корректное понимание политического смысла трагедии.

Ключевые слова: тирания; Софокл; Эдип; Креонт, номос; полис; космос; софисты.

Tyranny and Order in Sophocles' Tragedies

Nikolai N. Kostelev, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Faculty of International Relations and Political Studies (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student;

e-mail: nickkos1337@gmail.com

Academic Supervisor:

Svetlana A. Tulaeva, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Department of Comparative Political Studies (Saint Petersburg, Russian Federation)

Associate Professor of the Department, PhD of Sociological Sciences;

e-mail: tulaeva-sa@ranepa.ru

Abstract

The article is dedicated to analyzing the issue of tyranny and order in Sophocles' tragedies, focusing on Oedipus Rex and Antigone. The major research question is the way the term "tyrant" was understood by Sophocles and his contemporaries. The author examines the interpretation of the term "tyrant" within the ancient Greek context, distinct from later Platonic views, with an emphasis on the violation of *nomos*—the established cosmic order. The study adopts the Cambridge School of Concepts methodology, which emphasizes the significance of terms within their historical context, reveals evaluative attitudes, and analyzes the speech acts in which these concepts are employed.

The analysis demonstrates that, despite their legitimate origins and good intentions, the characters Oedipus and Creon are regarded as tyrants due to their violation of unwritten traditional laws governing the harmony of the polis.

The article argues that the tragedies reflect socio-political processes unfolding in ancient Greek poleis at the time, such as the disintegration of the traditional order, the loss of instinctual connection to the cosmos, and the transition to "secular" laws. The study illustrates the relationship between these processes and their interpretation by Sophocles' contemporaries, as manifested in the conflict between two schools of thought: the Sophists and the Socratics. The article clarifies the context of Sophistic ideas and their role in developing the concept of the conventionality of laws and morality, contrasted with *nomos*.

In this study, the author suggests a new interpretation of the term "tyrant," understood not as negative but as a neutral indication of a violation of cosmic laws.

The study contributes to the discourse on the Greek tragic canon and the logic of polis life, presenting a more accurate understanding of the political significance of the tragedy.

Keywords: tyranny; Sophocles; Oedipus; Creon; *nomos*; polis; cosmos.

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно, со времен становления классической школы Платона понятие «тирания» рассматривалось в значении «узурпация власти». Платон следующим образом описывал тирана: «Власть неизбежно делает его завистливым, вероломным, несправедливым, недружелюбным и нечестивым; он поддерживает и питает всяческое зло; вследствие всего этого он будет чрезвычайно несчастен и такими же сделает своих близких» [8, с. 310]. После Платона именно такое понимание тирании закрепилось в политической философии и общественном сознании и остается таким до сих пор.

Однако явление тирании осмыслялось и до классических мыслителей. Так, к рассмотрению тирании обращались древнегреческие поэты и драматурги. Например, трагедии Софокла были отчасти посвящены этой проблеме. Одна из его наиболее знаменитых тра-

гедий так и называлась — «Эдип-тиран». В настоящее время она известна широкой публике как «Царь Эдип» на русском языке, “Oedipus Rex” на английском, “Œdipe roi” на французском и так далее. Везде фигурирует слово «царь», хотя на греческом название однозначно — “Οἰδίπους τύραννος”. Связано это с тем, что слово «тиран» со времен Платона приобрело негативные коннотации и стало пониматься абсолютно отрицательно. В то же время в самой трагедии это слово не несет такого негативного оттенка: из 12 упоминаний только три могут трактоваться как негативные [7, с. 96]. Очевидно, что Эдип Софокла под описание тирана у Платона не подпадает.

В 1954 году Бернанд Нокс выпустил статью, в которой впервые задался вопросом «Почему Эдип назван тираном?». С тех пор дискуссии на тему политической интерпретации трагедии не угасали¹. Почему, с точки зрения Софокла, Эдип являлся тираном? Как трактовался термин «тиран» Софоклом и его современниками?

В своих исследованиях Б. Нокс, В. Эренберг, М. Викерс выдвигают несколько основных объяснений: 1) в пьесе отражены современные Софоклу Афины, в величии которых уже предусмотрен их неминуемый крах, так как они становятся тираническими [14, с. 100], 2) в образ Эдипа «защит» Перикл или Алкивиад [3, с. 76]². Две исторические фигуры кажутся Софоклу (с точки зрения исследователей) дурными. Пьеса является либо осмыслением правления Перикла, которое уже прошло, либо предупреждением перед возможным возвышением Алкивиада, который всегда имел дурную репутацию. Переходя к более узкой теме, то есть к трактовке слова тиран, исследователи пытаются свести его к: 1) синониму слова «царь, правитель» [16, с. 145], 2) техническому определению абсолютной власти [17, с. 209], 3) негативному пониманию слова, т. е. тиран как жестокий, несправедливый правитель [13, с. 176].

Однако ни одна из предложенных трактовок нас не устраивает, поскольку все они не дают исчерпывающего понимания пьесы. Все имеющиеся объяснения либо слишком общие, либо, наоборот, сконцентрированы на совсем мелких деталях произведения. Большая часть из предложенных интерпретаций опирается на негативное понимание тирании, предложенное Платоном уже после Софокла. В данной работе мы попробуем выйти за рамки устоявшихся представлений о тирании и проанализировать это понятие с точки зрения современников Софокла. Наша цель — дать еще одну трактовку этого термина. В нашей работе мы опираемся на теоретико-методологические основания Кембриджской школы понятий [10, с. 1–9]. В соответствии с данной традицией для понимания термина важно определить исторический контекст его употребления, а также выявить оценочные установки, связанные с его применением, и речевые акты, в которых он используется [10, с. 156].

Основываясь на данном подходе, мы утверждаем, что ответ на вопрос «Почему Эдип — тиран?» надо искать в контексте эпохи Софокла и в том образе мысли, который был свойственен его современникам, в том числе в их политических взглядах. Это позволит не только прояснить понимание данного термина у Софокла, но и даст более корректное понимание политического смысла трагедии. Обращаясь к представлениям древних греков того времени, мы утверждаем, что, с точки зрения Софокла, тираном являлся тот, кто нарушал законы космоса, то есть некую традицию, в которую были вовлечены все граждане полиса. Дабы подкрепить данный тезис, сделанный исходя из трактовки «Царя Эдипа», мы обратимся к еще одной трагедии Софокла — «Антигона», в которой прослеживается тот же образ мысли.

¹ Забудская предполагает, что название вообще не может рассматриваться с точки зрения поэтики заглавия, так как оно могло быть дано позже. Даже в таком случае сложно предположить, что слово «тиран» появилось в нем случайно. Эта точка зрения подкрепляется неоднократным упоминанием слова в тексте. См. там же.

² Цит. по Н. П. Гринцер.

ТИРАНИЯ И ПОРЯДОК В «ЦАРЕ ЭДИПЕ» И «АНТИГОНЕ»

С самого начала трагедии мы видим явный симбиоз — не только народ признает Эдипа легитимным и добродетельным царем, всячески подчеркивая его заслуги: «освободил нас от жестокой дани», «спас страну от бедствий», но и Эдип признается в любви к народу и отечеству:

Лишь за себя болеет сердцем каждый
Из вас, родные; а моя душа
Скорбит за город — за себя — за вас³.

Поэтому непонятно, почему Эдип назван тираном, если никаких классических тиранических тенденций он не проявляет. Кто же такой тиран по Софоклу? С точки зрения Софокла, есть:

Законы, что в небесной выси
Из лона Правды самой взошли.
Их край родной — ясный свет эфира;
Олимп им отец; родил
Не смертного разум их;
Не он в забвения мгле их схоронить властен!
Велик в них зиждущий бог; они нетленны.

Данная строфа является иллюстрацией понятия номос⁴ (νόμος). Оно означает некоторый установившийся порядок вещей, неписанные нормы существования человеческого общежития, которые воспроизводят сами себя без рефлексии участников процесса⁵. И рядовой гражданин, и правитель обязаны строго следовать этому порядку [6, с. 190]:

Если ж кто рукам и речи
Путь надменности избрал,
Без страха пред ликом Правды,
Без почтения к богам —
Судьба да постигнет злая
Спесь несчастную его.

Правитель же, который нарушал всем известный номос, именовался тираном [18, с. 250]⁶. Такое определение, как нам кажется, помогает более широко взглянуть на античное политическое мироощущение. Категория «тиран» в таком случае не несет в себе этической оценки «хорошо» и «плохо», а лишь является констатацией факта. Эдип нарушил сразу несколько «священных» норм: он получил власть не в своем полисе и не по наследству (так думают персонажи трагедии до того, как вскрывается правда о родстве Эдипа). Уже с этого момента граждане вешают на него ярлык тирана. Как граждане полиса выясняют позже, он еще и убил отца и вступил в порочную связь со своей матерью. Когда Эдип осознает, что закон был нарушен неоднократно и грубейшим образом, он при-

³ Здесь и далее — перевод Ф. Зелинского.

⁴ Далее термины «номос», «закон» и «порядок» употребляются как синонимы.

⁵ Уже к V в. до н. э. номос начинает означать ровно обратное — конвенциональный закон [1, с. 11]. В судьбе этого термина отражен весь спор, вокруг которого строятся трагедии. См. об этом ниже.

⁶ Виктория Воль придерживается той же мысли, но «космический закон» у нее сводится ко всем «грехам» Эдипа. Хотя «грехи» Эдипа — лишь частный случай нарушения космических законов, коих было огромное количество.

нимает решение, можно сказать, применить остракизм к самому себе — изгнать самого себя из полиса:

Я сам сказал, чтоб все меня вы гнали,
Меня, безбожника и нечестивца.

Однако все эти «грехи» не мешают Эдипу быть «хорошим» правителем, в том смысле, что он совершенно искренне желает процветания своему полису и своим гражданам. Даже после того как все узнают правду о родстве Эдипа, Хор не умаляет его заслуг. Хор, в свою очередь, «олицетворял народную мудрость и давал оценку всему происходящему» [8, с. 310]:

Ты несчастной стране моей
Стал от смерти оплотом.
С той поры ты царем слывешь
Ты венец у людей стяжал
Высшей чести — великих Фив
Многославный Владыка!

Таким образом, мы сталкиваемся с неоднозначной и требующей прояснения ситуацией: речь идет о некотором порядке, который «пощупать» невозможно, ведь греки еще не открыли для себя феномен права, не открыли для себя, в строгом смысле, религиозные нормы, но у них не было и самовольных насильственных предписаний, которые характерны для варварских сообществ. Иными словами, мы обязаны признать, что существовал порядок *как таковой*. Он не был «социально сконструирован», искусственно навязан и так далее. В связи с этим нам необходимо реконструировать образ мысли грека.

В сущности, для грека (и вообще человека с архаичным сознанием [15, с. 2]) не существовало различий между космосом и социальным порядком: второй являлся лишь проекцией первого. Полис — отражение космоса, который мог быть органичен только в том случае, если в нем всё «стояло на своих местах», то есть каждая составляющая жизни занимала отведенное ей место. Всё это «упорядочивает» человека, и он обретает свое значение в полисной организации: «в совместной, полисной жизни людей происходит их упорядочивание и формирование, позволяющее входить им в свою собственную сущность, осуществляться в своем собственном предназначении» [11, с. 124]. Таким образом, когда правитель нарушает закон — он становится тираном. Ведь своим своевольным решением, которое не следует логике упорядочивания космоса и воспроизводства естественных норм, правитель ставит под сомнение саму гармонию макрокосма, которая отражена в микрокосме полиса⁷. Здесь важнее сам факт своевольности решения, нежели его морально-этическая оценка: нарушение гармонии неприемлемо даже в случае, если это делается во благо. Такой образ мысли становится еще более очевидным и «подсвеченным» в более поздней трагедии Софокла.

Подтвердим эту трактовку образом Креонта в еще одной трагедии Софокла — «Антигоне». Сюжет пьесы разворачивается вокруг вольного предписания царя Креонта, который вопреки требованию родовой морали (обязанность родственника похоронить члена своей семьи) запрещает Антигоне провести ритуал погребения своего брата — Полиника,

⁷ Косвенно эту логику сохраняет и современный перевод греческого слова «тирания» (τυραννίς) на русский язык — произвол. Толкование английского tyranny, среди прочего, содержит arbitrary use of power — произвольное использование власти.

который совершил преступление против родного города Фивы. На самом деле, мы видим почти такую же ситуацию, как и в «Царе Эдипе»: персонажи пьесы неоднократно говорят о некоторых «законах», очевидно, имея в виду неписанный свод правил, изначальные законы космоса, которые созданы не человеком, и рефлексиируют на тему недопустимости их нарушения. Наглядной иллюстрацией является диалог Креонта и Антигоны, когда она признается ему в содеянном, в том, что она вопреки распоряжению царя похоронила своего брата:

Креонт

Ответь, ты о моем запрете знала?

Антигона

Конечно, знала; всем он ведом был.

Креонт

Как же могла закон ты преступить?

Антигона

Затем могла, что не Зевес с Олимпа
Его издал, и не святая Правда
Подземных сопредстольница богов.
А твой приказ — уж не такую силу
За ним я признавала, чтобы он,
Созданье человека, мог низвергнуть
Неписанный, незыблемый закон
Богов бессмертных. Этот не сегодня
Был ими к жизни призван, не вчера:
Живет он вечно, и никто не знает,
С каких пор явился меж людей.
Вот за него ответить я боялась
Когда-нибудь пред божиим судом,
А смертного не страшен мне приказ.

Однако вопрос морально-этической оценки решения Креонта нельзя назвать однозначным [19, с. 119], некоторая внутренняя логика в нем однозначно присутствует: Полиник действительно предал свой собственный полис. Гегель, например, считал позиции Антигоны и Креонта одинаково допустимыми и благими [2, с. 176]. Но в пьесе граждане полиса приходят в ужас от решения Креонта, что, на наш взгляд, полностью подкрепляет уже озвученную трактовку «Царя Эдипа»: моральная составляющая решения неважна⁸, недопустимо любое решение, которое подрывает установленный порядок. При этом Креонт является легитимным правителем с точки зрения родства: он приходится родным братом Иокасте, жене Лаийя. Таким образом, власть унаследована и легитимна, но нарушение космических законов всё равно делает его тираном. Это в очередной раз подтверждает тезис о том, что доклассическая трактовка термина тиран не сводится к нелегитимному характеру наследования власти.

⁸ Именно поэтому даже благое намерение в сфере реформирования законодательства воспринималось крайне негативно: «Наиболее ярким свидетельством почти сакрального положения закона у древних греков служит негативное восприятие ими законодательных изменений, когда инициаторы таких изменений в случае отклонения их предложений подвергались риску преследования и даже смерти» [1, с. 12].

РАЗЛОЖЕНИЕ ПОРЯДКА

Однако сам факт того, что диалог такого содержания состоялся, свидетельствует о том, что этот самый естественный закон начинает разлагаться. Ведь если человек становится в позицию наблюдателя по отношению к некоему порядку, это значит, что этот самый порядок уже не является, можно сказать, для него инстинктом, то есть образом жизни, который не подлежит осмыслению и происходит органично, сам по себе. Эта тема в трагедии хорошо изучена исследователями [19, с. 120]; [12, с. 16]. Ее можно представить как противопоставление «светских» законов полиса и традиционной родоплеменной морали. Всё вышеизложенное — прояснение аргументов, если угодно, стороны «защитников» традиционной родоплеменной морали, т. е. людей, защищающих естественный закон (которые в данном случае представлены фиванским народом и Антигоной).

Теперь, для завершения картины, нам необходимо прояснить логику мышления людей, которые «выступали» за светские законы (в трагедии «Антигона» таким человеком является Креонт). В общественной дискуссии их называли софистами. Их яркий представитель — Антифон — отстаивал точку зрения конвенциональности закона и морали. То есть представления о том, что закон и мораль — продукт человеческой деятельности. Какой закон и какие моральные представления люди сформировали, такой порядок и является истинным [1, с. 9]. А вычислить естественный порядок невозможно, так как его просто-напросто не существует. Именно эта дискуссия, которая возникла из-за утраты человеком своих «корней», чувства неосязаемой, но неразрывной связи с миром, общей гармонией, составляет ядро всего греческого трагедийного канона. Постановку вопроса об этой же проблеме мы видим на сцене суда в «Эвменидах» Эсхила, где сталкивается родовое право, представленное эриниями, и новое, полисное право, которое осуществляется с помощью суда присяжных, созданного Афиной [4, с. 73].

На наш взгляд, кульминацией в данном споре (закон как конвенция и закон как естественный порядок) является смерть Сократа, который отказался от побега и выпил яд по приговору суда. Сократ посвятил львиную долю своих диалогов спору с софистами, то есть защите закона как естественного порядка. Своим поступком Сократ доказывает, что даже его жизнь не стоит нарушения законов: точно так же, как Антигона, Сократ больше боится нести ответ перед богами, нежели перед людьми. Сам факт отказа Сократа от возможного побега становится, во-первых, утверждением собственной приверженности космическим, а не человеческим законам [9, с. 54], а во-вторых, напоминанием своим согражданам об этих самых законах [5, с. 31–32].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье представлена трансформация понимания тирании со времени Софокла до эпохи становления классической философской школы Платона. Показано, что во времена Софокла термин «тиран» имел разнообразные значения, в том числе нейтральное. Предыдущие трактовки трагедии Софокла базировались на понимании тирании как негативного феномена, что было свойственно последующим мыслителям. Предлагаемая автором интерпретация отталкивалась от представлений о тирании, свойственных современникам Софокла, что позволило дать новое политическое осмысление этой трагедии. Сравнительный анализ двух пьес Софокла — «Царь Эдип» и «Антигона» — доказывает, что тиранами в них представлены люди, которые своими действиями нарушают космический закон. Под космическим законом понимаются неписанные нормы, которые естественны для всех жителей полиса. Эдип нарушил множество космических законов — нелегитимный характер приобретения власти, отцеубийство и порочная связь с собственной

матерью. Креонт своим указом ставит под сомнение традицию, которая касалась похорон членов семьи.

В своих трагедиях Софокл «сталкивает» нарушителей закона и людей, которые этот самый закон защищают. В случае с Эдипом защитником закона является фиванский народ, в случае с Креонтом — Антигона. Однако эта дискуссия (нарушители космического закона и защитники космического закона) не является выдумкой Софокла. Софокл всего лишь фиксировал ту реальность, которая была вокруг него. В этой самой реальности происходило столкновение двух школ мысли: софистов и сократиков. Своими речами и своим учением софисты ставили под сомнение сам факт существования космических законов, в то время как сократики считали его непреложной данностью.

Дискуссия родилась из-за слома идиллии, в которой пребывали граждане полиса. На Афины одновременно обрушилась Пелопонесская война, смертоносная эпидемия чумы и разочарование в Перикле. Всё это заставило граждан усомниться в непогрешимости порядка и начать искать новые ответы на вечные вопросы. Именно эта дискуссия и легла в основу пьес Софокла.

Литература

1. *Баженова Е. А.* Истоки естественно-правового мышления в идеях древнегреческих софистов: Протагор и Антифон / Е. А. Баженова // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2019. – Т. 14, № 1. – С. 9–33.
2. *Гегель Г. В. Ф.* Эстетика: в 4 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Искусство, 1969. – Т. 2. – 326 с.
3. *Гринцер Н. П.* Политический смысл «Эдипа-царя»: нужен ли ответ на вечный вопрос? / Н. П. Гринцер // Шаги / Steps. – 2017. – Т. 3, № 4. – С. 76–92.
4. *Дилите Д.* Античная литература / Д. Дилите. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2003. – 348 с.
5. *Емельянов А. С.* Смерть Сократа: ключевые философские интерпретации / А. С. Емельянов // Антиномии. – 2021. – Т. 21, № 2. – С. 25–44.
6. *Жданов П. С.* Понятие «закона» в контексте греческого мировоззрения VI–IV веков до н. э. / П. С. Жданов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2014. – № 3 (314). – С. 188–205.
7. *Забудская Я. Л.* Политический аспект в рецепции мифа об Эдипе / Я. Л. Забудская // Шаги / Steps. – 2017. – Т. 3, № 4. – С. 93–106.
8. *Платон.* Государство / Пер. с древнегреч. А. Н. Егунова. Вступ. ст. Е. Н. Трубецкого. Коммент. В. Ф. Асмуса. Примеч. А. А. Тахо-Годи. – М.: Академический проект, 2015. – 398 с. (Философские технологии).
9. *Платон.* Собрание сочинений в 4 т. Т. 1 // Философское наследие. Т. 112. Академия Наук СССР, Институт философии. – М.: Мысль, 1990.
10. *Роцин Е.* История понятий Квентина Скиннера / Е. Роцин // Полис. – 2006. – № 3. – С. 150–158.
11. *Торубарова Т. В.* Идея космофизического порядка в контексте самоопределения человеческого бытия (античность) / Т. В. Торубарова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2021. – № 4. – С. 120–125.
12. *Эсхил, Софокл, Еврипид.* Античные трагедии: пер. с древнегреч. – М.: Эксмо, 2024. – 672 с.
13. *Carey C. (1986).* The Second Stasimon of Sophocles' Oedipus Tyrannus // The Journal of Hellenic Studies. – Vol. 106. – Pp. 175–179.
14. *Knox Bernard M. W. (1954).* Why Is Oedipus Called Tyrannos? // The Classical Journal. – Vol. 50. No. 3. – Pp. 97–130.

15. *Malinowski B. (1932) / Crime and Custom in Savage Society // London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., LTD. New York: Harcourt, Brace and Company. – 176 p.*
16. *Parker V. (1998). Τύραννος. The Semantics of a Political Concept from Archilochus to Aristotle // Hermes. – Vol. 126. No. 2. – Pp. 145–172.*
17. *Stewart E. (2021). The Tyrant's Progress: The Meaning of ΤΥΡΑΝΝΟΣ in Plato and Aristotle // Polis: The Journal for Ancient Greek and Roman Political Thought. – No. 38 (2). – Pp. 208–236.*
18. *Wohl V. (2002). Love among the Ruins: The Erotics of Democracy in Classical Athens. – New Jersey: Princeton University Press. – 336 p.*
19. *Winnington I. (1980). Sophocles: An Interpretation. – Cambridge; New York: Cambridge University Press. – 346 p.*

References

1. *Bazhenova E. A. Origins of natural-legal thinking in the ideas of ancient Greek sophists: Protagoras and Antiphon / E. A. Bazhenova // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2019. – Vol. 14, No. 1. – Pp. 9–33.*
2. *Hegel G. V. F. Aesthetics: in 4 vol. / G. V. F. Hegel. – Moscow: Art, 1969. – Vol. 2. – 326 p.*
3. *Grinzer N. P. The political meaning of “Oedipus the King”: is there a need for an answer to the eternal question? / N. P. Grintser // Steps / Steps. – 2017. – Vol. 3, No. 4. – Pp. 76–92.*
4. *Dilite D. Antique literature / D. Dilite. – Moscow: Graeco-Latin Study of Y. A. Shichalin, 2003. – 348 p.*
5. *Emelyanov A. S. The death of Socrates: key philosophical interpretations / A. S. Emelyanov // Antinomies. – 2021. – Vol. 21, No. 2. – C. 25–44.*
6. *Zhdanov P. S. The concept of “law” in the context of the Greek worldview of the VI-IV centuries BC / P. S. Zhdanov // Izvestia vysshee obrazovaniya vysshee obrazovaniya. Jurisprudence. – 2014. – No. 3 (314). – Pp. 188–205.*
7. *Zabudskaya Ya. L. Political aspect in the reception of the myth of Oedipus / Ya. L. Zabudskaya // Steps / Steps. – 2017. – Vol. 3, No. 4. – Pp. 93–106.*
8. *Plato. State / Per. from Ancient Greek A. N. Egunov. Introductory article. E. N. Trubetskiy. Commentary. V. F. Asmus. Note by A. A. Takho-Godi. – Moscow: Academic Project, 2015. – 398 p. (Philosophical Technologies).*
9. *Plato. Collected Works in 4 vol. Vol. 1 // Philosophical Heritage. Vol. 112. Academy of Sciences of the USSR, Institute of Philosophy. – Moscow: Mysl, 1990.*
10. *Roshchin E. History of Quentin Skinner's concepts / E. Roshchin // Polis. – 2006. – No. 3. – Pp. 150–158.*
11. *Torubarova T. V. The idea of cosmophysical order in the context of self-determination of human existence (antiquity) / T. V. Torubarova // Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Cognition. – 2021. – No. 4. – Pp. 120–125.*
12. *Aeschylus, Sophocles, Euripides. Antique tragedies: per. from Ancient Greek. – M.: Eksmo, 2024. – 672 p.*
13. *Carey C. (1986). The Second Stasimon of Sophocles' Oedipus Tyrannus // The Journal of Hellenic Studies. – Vol. 106. – Pp. 175–179.*
14. *Knox Bernard M. W. (1954). Why Is Oedipus Called Tyrannos? // The Classical Journal. – Vol. 50. No. 3. – Pp. 97–130.*
15. *Malinowski B. (1932) / Crime and Custom in Savage Society // London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., LTD. New York: Harcourt, Brace and Company. – 176 p.*

16. Parker V. (1998). Τύραννος. The Semantics of a Political Concept from Archilochus to Aristotle // Hermes. – Vol. 126. No. 2. – Pp. 145–172.
17. Stewart E. (2021). The Tyrant's Progress: The Meaning of ΤΥΡΑΝΝΟΣ in Plato and Aristotle // Polis: The Journal for Ancient Greek and Roman Political Thought. – No. 38 (2). – Pp. 208–236.
18. Wohl V. (2002). Love among the Ruins: The Erotics of Democracy in Classical Athens – New Jersey: Princeton University Press. – 336 p.
19. Winnington, I. (1980). Sophocles: An Interpretation. – Cambridge; New York: Cambridge University Press. – 346 p.

Для цитирования:

Костелев Н. Н. Тирания и порядок в трагедиях Софокла // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2024. – Т. 10. – № 4 (28). – С. 6–15.